

ности которых нас убеждает только вера. Весьма сходные позиции обнаруживаются у Ландольфо Карачоло (ум. в 1351) в его «Комментарии к Сентенциям» и в сочинении с тем же названием его ученика Уго из Кастро-Ново, написанном до 1317 г. Примерно в то же время (1320) Франческо из Марча, или из Пиньяно, или из Эскуло, комментировал текст Петра Ломбардского в Париже и учил о невозможности строгого доказательства бессмертия души — ни априори, ни апостериори. Нетрудно заметить, как быстро распространялась эта идея во францисканской среде, и еще легче понять, почему вскоре у нее оказалось столько приверженцев, если вспомнить, что она восходит по меньшей мере к Уильяму из Уэре, жившему до Дунса Скота. Нужно добавить, что в результате недавно проведенных изысканий (К. Ми-хальски) Франческо из Марча был признан подлинным автором учения об «*impetus*»; он сформулировал его раньше Жана Буридана, который в этом отношении был лишь его последователем. Впрочем, только публикация соответствующих текстов позволит проверить правильность подобной хронологии и оценить ее значение.

В этой группе приверженцев выделяются некоторые особенно оригинальные умы, в частности английский францисканец Уильям из Олнуика (ум. в 1332); недавно был опубликован его весьма интересный труд «Вопросы об умопостигаемом бытии» («*Quaestiones de esse intelligibili*»). Трудно указать более совершенный образец диалектического спора, лишенный мелочной въедливости, но по-настоящему полный, постоянно удерживающий в центре внимания одну проблему. К концу произведения вопрос оказывается буквально исчерпанным. По правде говоря, силы читателя — тоже. Но он, по крайней мере, узнаёт, чего следует держаться, но если для него останется непрочувствованным техническое совершенство интеллектуального стиля этого труда, то его следует лишь пожалеть. Проблема, обсуждаемая Уильямом из Олнуика, — это про-

блема той степени реальности, которой следует оценить бытие познанного объекта, а точнее — объекта, только мыслимого познанным. Вывод гласит, что Дунс Скот поступил правильно, приписав ему род относительного бытия, которое могло бы быть «*esse cognitum*», однако в этом тезисе нет какого-либо определенного умопостигаемого смысла. Факт известности больше не предполагает в познанной вещи реальности, отличной от нее самой: факт представления себе образа Цезаря не реализуется в статуе Цезаря. Со стороны интеллекта бытие камня как познанного им есть не что иное, как бытие интеллекта, который знает этот камень. Будучи применен к проблеме божественных идей, этот вывод приводит Уильяма из Олнуика к отрицанию того, что они обладают по отношению к уму Бога относительно умопостигаемым бытием (*esse secundum quid*), которое было бы если не сотворенным, то по крайней мере порожденным. Подобная свобода суждений оправдывает звание, которое дал Уильяму из Олнуика его издатель: «независимый последователь Скота» («*Scotista independens*»). Можно даже заметить, что в данном случае он — менее «последователь Скота», нежели «независимый». Однако Уильям также не допускает, что доказательства бессмертия души выходят за рамки простой вероятности.

Второе имя, по праву связываемое с направлением Дунса Скота, интерес к которому продолжает расти до сих пор, — это францисканец Джованни из Рипы, или Джованни из Марча, прозванный так по названию монастыря — Рипатрансоне. Он является автором «Комментария к Сентенциям» и трактата «Определения», или «Детерминации» («*Determinationes*»; 1354), написанных в совершенно оригинальном философско-теологическом ключе. Его называют учителем, чьи личные взгляды спорны, Петр из Альи